

От редакции. Мы публикуем статью лауреата поощрительной премии конкурса 2012 г. журнала «Эпистемология и философия науки» среди молодых ученых, аспирантов и студентов на лучшую статью по теме «Эпистемология и наука: теория, методология, история».

Совместимы ли натурализованная эпистемология и эволюционизм?

А.В. ХРАМОВ

В статье рассматривается натуралистический подход к решению основной проблемы эпистемологии – поиску обоснования знания. Отказавшись от традиционного предположения о привилегированном доступе познающего субъекта к первоначалам собственного познания, натуралисты в своих поисках обращаются к данным науки. При этом они сталкиваются с эволюционизмом, который лежит в основе современной научной картины мира. Автор, развивая аргумент Э. Плантинги о несовместимости эволюционизма и натурализма, показывает, что длительная эволюционная предыстория познавательных способностей человека не позволяет сделать заключение о достоверности знания, полученного с их помощью. Это заставляет либо признать проект натурализованной эпистемологии неудачным и вернуться к эпистемологии интерналистской, либо отказаться от современной науки в пользу телеологического мировоззрения.

Ключевые слова: натурализованная эпистемология, априорное знание, эмпиризм, эволюция, естественный отбор.

1. Натурализованная эпистемология и эпистемология кабинетная

Эпоха натурализованной эпистемологии (*naturalized epistemology*) началась с одноименной статьи Уилларда Куайна, которая увидела свет в 1969 г. В ней, к ужасу многих философов старой закалки, эпистемологическое исследование было провозглашено составной частью психологии. «Старая эпистемология пыталась включить в себя естественную науку... Напротив, эпистемология в ее новом облике сама включена в естественную науку как раздел психологии»¹. Приверженцы натурализованной эпистемологии, число которых с момента выхода статьи значительно увеличилось², считают, что теорию познания нельзя создать исключительно философскими средствами, без привлечения данных эмпирических наук, таких, как психология, социология, биология.

Подобное использование достижений науки в философских построениях не означает, что натурализованная эпистемология является возвратом к какому-то наивному эмпиризму. По удачному выражению Ричарда Фелдмана, в качестве основного объекта критики эпистемологических натуралистов выступает *кабинетная* (*armchair*) эпистемология. Сторонники этой парадигмы, которая ведет отсчет еще с времен Рене Декарта, могут придерживаться как эмпиризма, так и априоризма. Главное, что их объединяет, это *интерналистский* (субъектоцентричный) подход. Абстрагируясь от выводов науки о человеческом мозге, от когнитивной психологии и от истории развития и передачи идей, «философы полагают, что могут сказать что-то о человеческом знании, сидя в своих кабинетах»³.

Ситуация кабинетного мыслителя⁴ – это ситуация познающего субъекта, который, оказавшись наедине с собой, пытается дать ответ на вопрос о первоосновах познания. «Предположим, что я сижу в сво-

¹ Куайн У.В.О. Слово и объект. М., 2000. С. 380.

² Данная статья не претендует на то, чтобы дать обзор натурализованной эпистемологии: уже в 1994 г. список работ, посвященных этой теме, приведенный в сборнике «Naturalizing Epistemology» под редакцией Хилари Корнблит (Cambridge, 1994), насчитывал 854 наименования. За прошедшие 20 лет количество текстов, в которых обсуждается натурализованная эпистемология, возросло еще в несколько раз. Наша задача – лишь обозначить общую логику натуралистического подхода.

³ Feldmann R. Naturalism in Epistemology // EurAmerica. 1998. Vol. 28. P. 1–38.

⁴ «Интерналист полагает, что, просто размышляя над состоянием своего сознания, он может сформулировать эпистемологические правила, которые позволят ему выяснить, является ли обоснованным любое возможное суждение... <Эти правила>... можно применять, просто сидя в своем кабинете, без посторонней помощи» (Chisolm R. Theory of Knowledge. 3rd ed. NJ, 1996. P. 76).

ей комнате, обратившись лицом к огню... Моя кровать и мой стол, мои книги и бумаги всегда одинаково появляются передо мной и не меняются из-за перерыва в моем зрении... Если я теряю их из виду, закрыв глаза или повернув голову, то вскоре после того снова нахожу их перед собой...»⁵ Р. Декарт в этой ситуации сделал вывод о том, что единственным бесспорным первоначалом философии может быть уверенность в собственном существовании, Д. Юм – о первичности ощущения, И. Кант – о существовании универсальных и общеобязательных априорных категорий, которые предшествуют всякому эмпирическому познанию.

Однако в действительности кабинет не может быть первичной точкой отсчета: прежде чем в нем оказаться, философы родились на свет, затем научились формулировать свои мысли и получили образование, пронизанное духом их эпохи. Более того, философы являются представителями вида *Homo sapiens*, который, прежде чем некоторые его отпрыски расселись по кабинетам, прошел длительную эволюцию. Поэтому физиологические процессы, речевые навыки и философские интуиции, присущие кабинетным эпистемологам, делающим свои выводы, не представляются самоочевидными, они сами нуждаются в прояснении. В этом и состоит основной посыл натурализованной эпистемологии.

2. Эмпиризм и привилегированный доступ

Кабинетная эпистемология основана на допущении о *привилегированном* доступе, которым обладает субъект по отношению к основаниям своего познания. Философ может заблуждаться даже относительно кровати, стоящей в его кабинете (вдруг это обман зрения?), но есть некие самоочевидные первоначала, относительно которых ошибка невозможна. «Обоснование находится полностью в моих руках... Я могу быть мозгом в банке или находиться во власти демона Декарта, но обоснованность убеждений все равно зависит от меня»⁶, – описывает этот подход Элвин Плантинга. «*S* исключительно при помощи *размышления* может выяснить, обоснованно ли для него то или иное убеждение, с *уверенностью* определив, обладает ли оно свойствами, позволяющими считать его обоснованным»⁷ (курсив мой. – А.Х.).

Эмпирическая версия кабинетной эпистемологии говорит о том, что познание может быть сведено к сумме ощущений познающего

⁵ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании. М., 2009. С. 282–283.

⁶ Plantinga A. Warrant: The Current Debate. N.Y., 1993. P. 19.

⁷ Ibid. P. 6.

субъекта (неважно, является он мозгом в банке или нет)⁸. Именно эта максима легла в основу философского проекта Рудольфа Карнапа («Логическое построение мира», 1928), крах которого и послужил исходной точкой рассуждений Куайна. Карнап попытался «перевести все предложения о мире в термины, выражающие чувственные данные, или наблюдения, плюс логику вместе с теорией множеств»⁹. В этом смысле он принадлежал к классическим кабинетным философам, пытающимся сделать выводы о познании мира, не вставая с кресла. Как указывал Виктор Крафт, «в системе Карнапа все понятия могут быть лишь преобразованием квазисоставных частей *собственного* потока переживаний»¹⁰ (курсив мой. – А.Х.).

Куайн подчеркивает, что эпистемологи не способны свести даже простейшие научные понятия к высказываниям об элементарных единицах чувственного опыта субъекта. Из этого следует, что не эмпирическая наука должна быть объяснена при помощи познавательных способностей философа (которые якобы взялись из ниоткуда), а, напротив, сами эти способности должны быть осмыслены с использованием научного инструментария. Натурализованная эпистемология принадлежит к неклассическим теориям познания, согласно которым «познание не может начинаться с нуля», поскольку «всякая критика предполагает некую точку опоры, принятие человеком чего-то, что не критикуемо в данное время и в данном контексте»¹¹. Такую точку опоры натуралисты и предлагают искать в эмпирических науках.

3. Априорное знание: экстерналистский взгляд

Еще более рельефно интернализм традиционной эпистемологии проявляется в ее различных априористских изводах, когда в основу всей системы познания кладутся принципы, которые субъект находит в готовом виде, обращаясь к самому себе. Говоря словами Канта, ап-

⁸ Х. Корнблит в предисловии к сборнику текстов, посвященных натурализованной эпистемологии, трактует эмпиристскую программу, критикуемую Куайном, как фундаментализм (foundationalism): «Фундационалисты пытаются показать, что существует класс суждений – обычно суждений о нашем чувственном опыте – относительно которых ошибиться невозможно. Эти суждения рассматриваются как достаточные для обоснования всех остальных суждений» (Kornblith H. Introduction: What is Naturalistic Epistemology? // *Naturalizing Epistemology*. Cambridge, 1994. P. 1–15). По сути понятие фундаментализма перекрывается с понятием интернализма, так как выявить первоначала («фундамент») познания невозможно вне особого режима доступа к ним.

⁹ Куайн У.В.О. Указ. соч. С. 372.

¹⁰ Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003. С. 133.

¹¹ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 109–110.

приорное знание – это все то, что «рассудок черпает из самого себя (aus sich selbst schöpft) без заимствований из опыта»¹². Трансцендентальное исследование, в ходе которого выявляются априорные категории, с точки зрения натуралистов представляет собой «разновидность интроспективного осмысления процессов и конституции сознания. Но что такое сознание?.. Его процессы и конституция зависят от того, что происходит в нашем теле, сознание не парит свободно над эмпирическим миром»¹³.

Отрицательное отношение приверженцев натурализма к априорному знанию в глазах многих философов стало чуть ли не главным отличительным признаком этого направления. Так, согласно «эмпирическому тезису», который сформулировал Ноа Лемос, «натурализованная эпистемология утверждает, что эпистемологические проблемы должны быть разрешены эмпирически и эмпирическая наука является центральной для решения этих проблем»¹⁴. В качестве иллюстрации этого тезиса Лемос приводит слова натуралиста Джеймса Маффи: «Эпистемология, подобно науке, это предприятие a posteriori. Эпистемологические вопросы – суть вопросы эмпирические, они разрешаемы a posteriori». Иначе говоря, в основе натурализованной эпистемологии лежит «отрицание картезианской идеи построения первой философии, априорного оправдания всего знания»¹⁵.

В действительности натурализм в эпистемологии связан не столько с полным отрицанием априоризма, сколько с его переосмыслением с позиций экстернализма. Так, согласно Э. Голдману, ведущему теоретику релейабиллизма (одно из основных направлений в натурализованной эпистемологии¹⁶), натурализм «не отбрасывает автоматически все априорные источники обоснования (warrant) как неизбежно неопределенные, непостижимые, оккультные и эпистемо-

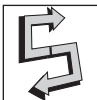
¹² Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 237; Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Hamburg, 1956. S. 288.

¹³ Johansson L.G. Kant versus Quine: Transcendentalism or Naturalism? // Uppsala Philosophical Studies. 2011. Vol. 54. P. 115–128.

¹⁴ Lemos N. An Introduction to the Theory of Knowledge. Cambridge, 2007. P. 208.

¹⁵ Johansson L.G. Op. cit.

¹⁶ Релейабиллизм в середине 1970-х был предложен Э. Голдманом как один из способов разрешения парадокса Геттиера: «Истинность предложения не должна была быть случайной, а значит, внешний мир должен как-то воздействовать на предложение... По этому пути пошел Голдман, связав процесс генерации знания с каузальными – материальными – процессами переноса неких внешних обстоятельств на свойства предложения – скажем, через фактическое восприятие, подразумевающее... цепь причинно связанных событий, ведущих от события во внешнем мире через физические и физиологические процессы к конечному формулированию высказывания» (Антоновский А.Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки. 2010. № 4. С. 101–118). Этот подход (доработанный позднее самим Голдманом и его последователями) получил значительную популярность: «Эпистемологические натуралисты тяготеют к различным версиям релейабиллизма» (Kvanvig J. Scientific Naturalism and the Value of Knowledge // Knowledge and Reality : Essays in Honor of Alvin Plantinga. Dordrecht, 2006. P. 193–214).

логически скомпрометированные»¹⁷. При этом философ, настаивая на возможности знания *a priori*, сохраняет за ним лишь три характеристики: это знание (1) не происходит из ощущений (опыта), (2) является необходимым и (3) относится к абстрактным сущностям (таким, как математические объекты).

Три другие характеристики, которые традиционно приписываются априорному знанию (непогрешимость, достоверность и рациональная безупречность (*incorrigibility*)), Голдманом отвергаются. В отрицании *абсолютной* достоверности априорного знания с ним сходится и Плантинга, другой типичный представитель натурализма. Плантинга оспаривает утверждение Хилари Патнэма: «Если у вас есть априорное обоснование для *p*, то в будущем у вас не может появиться никаких рациональных или эмпирических поводов пересмотреть это обоснование». Но, как пишет Плантинга, хотя «априорное обоснование действительно независимо от опыта... из этого не следует, что оно неотъемлемо, непогрешимо, рационально неоспоримо в картезианском смысле... или что суждения, сформулированные *a priori* независимо от опыта, не могут быть скорректированы или опровергнуты суждениями, происходящими из других источников...»¹⁸

Натуралисты в отличие от кабинетных эпистемологов, которые выводят априорное знание из будто бы непогрешимой философской интуиции познающего субъекта, видят в нем (как и в знании апостериорном) продукт естественных процессов, *не застрахованных от ошибки*. Как сказал Куайн, эпистемологические проблемы – это проблемы вида приматов¹⁹. Едва ли у кольчатого червя или у шизофреника есть априорное представление об универсальном законе причинности. Чтобы оно появилось, требуется пересечение процессов²⁰, имеющих разный временной масштаб: знание *a priori* – это одновременно и результат эволюции головного мозга, и продукт правильного взаимодействия между нейронами в этом мозгу.

Для Голдмана источниками обоснования априорного знания (*a priori warranters*) являются *врожденные* процессы («составная часть фундаментальной когнитивной архитектуры личности») в противоположность методам (то, чему можно научиться). Причем познающий субъект

¹⁷ Goldman A. A Priori Warrant and Naturalistic Epistemology // *Noûs*. 1999. Vol. 33. P. 1–28.

¹⁸ Plantinga A. Warrant and Proper Function. Oxford, 1993. P. 112.

¹⁹ Quine W.V. The Nature of Natural Knowledge // *Mind and Language*. Oxford, 1975. P. 67–81.

²⁰ Собственно, субъективное познание – это всего лишь точка, образованная пересечением нескольких процессов, от которых зависит его надежность, причем существование этих процессов далеко не всегда очевидно самому познающему субъекту, особенно если он абстрагируется от данных науки. Никто не способен заглянуть под крышку своего черепа или же, сидя в кресле философского кабинета, проследить эволюцию своих предков. Разумеется, подобный подход исключает возможность привилегированного доступа субъекта к основаниям собственного познания.

ект самостоятельно не может определить, где же заканчиваются процессы и начинаются методы, для этого ему следует обратиться к психологии. «Если философы хотят отличить обоснования a priori от других типов обоснований (warranters)... то психология нужна нам, чтобы сказать, какие процессы являются частями нашей фундаментальной когнитивной архитектуры, а какие относятся к вновь усвоенным методам»²¹.

Голдман, основываясь на работах психологов и этологов, указывает, что «детеныши человека и животных, начиная с 5 месяцев, чувствительны к числам», а «обычные люди обладают неким подобием дедуктивной системы, *встроенной в их головы*» (курсив мой. – А.Х.)²². Все это, считает философ, свидетельствует об априорном характере математического знания и дедуктивной логики. Надо ли говорить, насколько такой характер аргументации противоречит интерналистскому подходу кабинетной эпистемологии? Натурализм, выводящий априорное знание из научных наблюдений, а не из философской интроспекции, по выражению Голдмана, «преодолевают традиционную дихотомию между знанием a priori и a posteriori».

4. Естественный отбор – гарант достоверности знания?

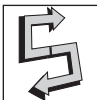
Отказ приверженцев натурализма от абсолютных критериев достоверности, связанный с пересмотром статуса априорного знания и сопровождающийся обращением к эмпирическим наукам, заставляет некоторых исследователей видеть в нем чуть ли не тотальное отрицание всей философской традиции прошлого. Например, как утверждает Том Рокмор, «общая суть притязаний натурализма может быть описана как поворот к докантианскому, а в действительности даже доплатоническому подходу к знанию с акцентом на единстве философии и науки, к эмпирическому подходу к природе и науке как главному и даже единственному когнитивному ресурсу»²³.

Но использование данных психологии или биологии при решении эпистемологических вопросов не предполагает, что философия должна прекратить свое существование, растворившись в этих дисциплинах. Можно спросить: зачем вообще нужен философский анализ познания, если о процессах чувственного восприятия и том, что происходит в нашем мозгу, могут сказать ученые? Однако научный

²¹ Goldman A. Op. cit.

²² Ibid.

²³ Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 14–29.

подход – сугубо дескриптивный, он не предписывает никаких *норм*, которым мы *должны* следовать, чтобы достигнуть истины²⁴. «Умеренные натуралисты»²⁵ настаивают, что эпистемология не может обойтись без *нормативного* компонента. Натурализованная эпистемология не отказывается от поиска *обоснования* знания, и в этом плане она остается в рамках философского проблемного поля²⁶.

Руководствуясь экстерналистским подходом, натуралисты пытаются найти критерии обоснованного знания в различных научных дисциплинах: в когнитивной психологии, как это делал Голдман в своих первых книгах, в социологии²⁷, к которой он обратился впоследствии, в эволюционной биологии. В ходе этого поиска неизбежно встает вопрос не только о работе познавательных способностей (памяти, логического мышления, органов чувств), но и о процессах, чьи продукты являются сами эти способности. Обоснование знания неотделимо от контекста его *возникновения*: «Эпистемологическое обоснование (justification) суждения есть функция надежности (reliability) процесса, приводящего к нему»²⁸. Поэтому натурализованная эпистемология, прослеживая эти процессы и «отматывая» их

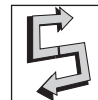
²⁴ Экстерналисты, как указывает Р. Чизолм, отождествляют обоснованность и истинность (*Chisolm R. Theory of Knowledge... P. 77*). В рамках интерналистского подхода если те или иные суждения представляются субъекту обоснованными, это не значит, что они истинные. Но для экстерналистов обоснованность суждений зависит от внешних процессов, а не от мнения самого субъекта на этот счет. Поэтому знанием могут обладать даже животные.

²⁵ В качестве примера умеренного натурализма большинство исследователей приводят взгляды Голдмана (См.: *Roth P.A. Naturalizing Goldman // The Southern Journal of Philosophy. 1999. Vol. 37. P. 89–111*). Подходу Голдмана часто противопоставляют подход Куайна, которого принято причислять к сторонникам радикальной версии натурализованной эпистемологии, предполагающей полное вытеснение философских вопросов естественно-научными (*strong replacement thesis*). Однако едва ли это справедливо – взгляды Куайна не были столь радикальны (См.: *Johnsen B. How to Read "Epistemology Naturalized" // J. of Philosophy. 2005. Vol. 102. P. 78–93*).

²⁶ «Теория познания (эпистемология) – это не просто анализ способов получения и структуры знания... Эпистемология как раздел философии... это проблематизация того, что считается знанием», а «вопрос об обосновании и есть главное в проблеме знания». *Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 74–76*.

²⁷ Обращаясь к социологии, Голдман оппонирует «ревизионистской» версии социальной эпистемологии, к представителям которой можно отнести Д. Блура и С. Фуллера. (См.: *Goldman A. Why Social Epistemology is Real Epistemology // Social Epistemology. Oxford, 2010. P. 1–28*). Следовательно, не совсем справедливо утверждение Е.А. Мамчур: «Сторонники натуралистического подхода настаивают на том, что они порывают с классической эпистемологией, рассматривавшей науку как особую сферу деятельности, цель которой – добывание объективно истинного знания. Отказываясь от классической эпистемологии, они исследуют процесс и результаты познавательной деятельности безотносительно к вопросу об их истинности и ложности» (*Мамчур Е.А. Существуют ли границы социологического подхода к анализу научного знания? // Наука: возможности и границы. М., 2003. С. 216–236*). Голдман, будучи сторонником натурализма, при этом не отказывается от поиска критериев обоснованности знания.

²⁸ Этот принцип лежит в основе релябилизма: *Miller S.I., Fredericks M. Reliabilism «Naturalized» // Social Epistemology. 2002. Vol. 16, № 4. P. 367–376*.

все дальше в прошлое, в конечном счете приобретает *историческое, эволюционное* измерение.

Такой подход хорошо согласуется с современными научными тенденциями, которые, по словам В.С. Стёпина, «выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма»²⁹. В соответствии с этими принципами «все, что происходит в мире, действие всех природных и социальных законов можно представить как постоянный *отбор*, когда из множества возможностей выбираются лишь некоторые классы и типы состояний» (курсив мой. – А.Х.). Из этого следует, что поведение большинства объектов, изучаемых наукой, «определяется предшествующей историей их эволюции»³⁰.

Обращаясь к современной науке, буквально пропитанной эволюционизмом, натурализованная эпистемология вольно или невольно вынуждена искать источник обоснования знания в эволюции познавательных способностей. Одним из первых это осознал Карл Поппер – предложенная им «эволюционная теория познания» с полным правом может быть отнесена к образцам натуралистской³¹ мысли. Подобно Голдману и другим натуралистам, Поппер отрицает «необходимо истинный» характер знания а priori, предшествующего восприятию, и считает его погрешимым и предположительным. Априорное знание, согласно Попперу, является врожденным и наследуемым, оно воплотилось в структуру организма, нашло отражение в его физиологии и органах чувств. «Изобретение глаза есть изобретение нового теоретического знания а priori, нового приспособления к окружающей среде»³².

Содержание априорного знания в такой натуралистической трактовке практически совпадает с его традиционным пониманием: «Зна-

²⁹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С. 641.

³⁰ Там же. С. 657.

³¹ В том, что касается методологии науки, Поппер отвергает натуралистический подход: «Воззрение, согласно которому методология является эмпирической наукой, т.е. изучением действительного поведения ученых или реальной “научной деятельности”, может быть названо натуралистическим» (Поппер К. Логика научного исследования. М., 2005. С. 49). Неважно, как рождаются теории и о чем думают ученые, когда их выдвигают. Важно лишь, фальсифицируемы они или нет. Однако когда Поппер обращается к эпистемологии в целом, он рассуждает как натуралист, поскольку эволюционный механизм *происхождения* знания (познавательных способностей) является для него критически важным.

³² Поппер К. К эволюционной теории познания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2006. С. 208. Примечательно, что для Поппера, как и для Голдмана, важен тот факт, что «животные могут иметь какое-то знание». Согласно Голдману, это свидетельствует о том, что знание – это просто продукт надежного познавательного процесса, и для того чтобы им обладать, не требуется дополнительная рефлексия и дополнительные суждения (meta-beliefs). В противном случае «дети и животные не смогут иметь обоснованные суждения и знания... так как обычно у них нет никаких суждений по поводу генезиса или надежности способов, которыми они получают знание» (Lemos N. Op. cit. P. 86–87).

ние аргументов включает, в частности, знание о структуре пространства и времени... и о причинности»³³. Однако его обоснование, предлагаемое Поппером, радикально иное и строится на теории естественного отбора. Поскольку организмы, обладающие априорным знанием, допустим, о локализованности явлений в пространстве, в процессе эволюции не вымерли, то его можно считать обоснованным (пусть и не абсолютно). Отсюда вытекает, что обоснованны и знания, получаемые с помощью органов чувств, так как их работа построена на априорных категориях (например, зрительный анализатор представляет организму информацию об окружающем мире в пространственной форме).

По схожей схеме развивает свою аргументацию и Х. Корнблит. Она задается вопросом: отличается ли способ, которым мы приобретаем знание, от способа, каким мы *должны* его приобретать? Положительный ответ на этот вопрос (означающий, что наше знание обоснованно) можно дать в том случае, «если природа так сконструировала процессы производства суждений (belief-generating processes), что они неизбежно предрасположены в пользу истинного знания»³⁴. По мнению Корнблит, подобную «предрасположенность к истине» гарантирует эволюционный процесс: организмы, не способные адекватно познать окружающую среду, просто отбраковываются. «Естественный отбор работал в пользу способностей, ответственных за получение знаний, поэтому процессы производства суждений, как правило, производят истину»³⁵.

5. Адаптивность и эволюция познавательных способностей

Можно ли сделать заключение о достоверности наших познавательных способностей исходя из их эволюционной предыстории? Является ли эволюционная теория тем базисом, на который натурализованная эпистемология может опереться, не отказываясь при этом от рассмотрения проблемы истинности наших знаний? От ответов на эти вопросы во многом зависит судьба всей эпистемологии как философской дисциплины. Вот почему тезис американского философа Плантинги, известный как «эволюционный аргумент против натурализма» (evolutionary argument against naturalism) и посвященный несовместимости эволюционистской картины мира и натуралистического подхода к познанию, привлек значительное

³³ Popper K. К эволюционной теории познания. С. 206.

³⁴ Kornblith H. Naturalizing Epistemology. Cambridge, 1987. P. 3.

³⁵ Kornblith H. Knowledge and its Place in Nature. Oxford, 2002. P. 57.

внимание³⁶. Теологическая подоплека этого тезиса, как мы увидим ниже, вторична по отношению к его общефилософскому содержанию.

Сам Плантинга стоит на позициях натурализованной эпистемологии: «Позиция, которую я занимаю, – это радикальный натурализм: подчеркнуто натуралистическая поза модна в наши дни, и это большое наслаждение – присоединиться к общему празднику. Взгляды, которые я отстаиваю, лучше всего могут быть поняты как пример натуралистической эпистемологии, здесь я следую за Куайном (сохраняя небольшую дистанцию)...»³⁷ Плантинга не оставляет никаких сомнений в ортодоксальности своего натурализма: «Тип обоснования (warrant), предлагаемый мной, – это пример натуралистической эпистемологии, он не предполагает привлечения видов нормативности, которые не содержатся в естественных науках, единственный приемлемый тип нормативности должен строиться на данных таких наук, как психология и биология»³⁸ (пусть и переосмысленных в теистическом ключе). При этом, как указывает Плантинга, «натурализм в эпистемологии наиболее приемлем в контексте теистического восприятия человеческих существ: натурализм в эпистемологии требует сверхъестественного в антропологии»³⁹. Философ считает, что современная эволюционная биология, не предполагающая участия Бога в возникновении *Homo sapiens*, не позволяет обосновать надежность человеческого аппарата познания. Дело в том, что если наши познавательные способности «вышли на сцену после миллиардов лет эволюции, происходившей путем естественного отбора, дрейфа генов и других слепых процессов, источником которых являются случайные генетические мутации»⁴⁰, то мы не можем быть уверены в истинности нашего знания. «Вероятность того, что познавательные способности человека надежны (reliable), т.е. по большей части производят истинные убеждения», довольно низка в том случае, если они «являются результатом слепых механизмов наподобие естественного отбора»⁴¹.

Существуют как минимум три причины, по которым натурализованная эпистемология и эволюционизм не совместимы. Все они так или иначе были обозначены в книге Плантинги «Обоснование и должная функция» (особый упор был сделан философом на первый довод).

³⁶ Так, был выпущен специальный сборник статей, посвященный обсуждению этого аргумента (См.: *Naturalism Defeated? : Essays on Plantinga's Evolutionary Argument Against Naturalism*. N.Y., 2002).

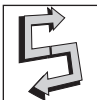
³⁷ *Plantinga A. Warrant and Proper Function*. P. 46.

³⁸ *Ibid.* P. 194.

³⁹ *Ibid.* P. 46.

⁴⁰ *Ibid.* P. 217.

⁴¹ *Ibid.* P. 219.

1. *Адаптивность представлений не всегда предполагает их истинность*: «эволюция заинтересована не в истине, а в выживаемости или приспособленности»⁴². Вообразим себе, говорит Плантинга, человекообразных существ, населяющих одну из отдаленных планет. Мы знаем, что эти существа долго эволюционировали и сумели выжить. Можем ли мы из этого заключить, что они способны добывать истинные знания? Плантинга считает, что нет: поведение, способствующее выживанию, может основываться и на убеждениях, далеких от истины. С точки зрения естественного отбора неважно, о чем думали наши предки-гоминиды, убегая от тигра. Они могли представлять себя спринтерами на стадионе, а рычание тигра воспринимать как выстрел сигнального пистолета. Их поведенческая реакция в этом случае была бы так же адаптивна, как и у гоинид с истинными представлениями об окружающем мире.

2. *Аппарат познания истины может мешать выживанию*: «не обязательно, что надежные познавательные системы сильнее повышают приспособленность по сравнению с ненадежными»⁴³. Производство истинных суждений предполагает память, в которой может храниться большой объем информации, органы чувств, сканирующие окружающую действительность с высокой точностью, развитой аналитический аппарат. Однако содержать все это для организма может быть слишком затратно с энергетической точки зрения. Поэтому нельзя исключать, что естественный отбор действует против организмов, обладающих познавательными способностями, наиболее соответствующими задаче получения обоснованного знания.

3. *Многие эволюционные изменения, включая те, что затрагивают наши познавательные способности, вообще не несут адаптивного смысла*⁴⁴. Этот аргумент, на мой взгляд, наиболее принципиален в свете обсуждаемой проблемы. Рассматривая его, уместно вспомнить об известной статье «Надсводное пространство собора св. Марка и панглоссианская парадигма: критика адапционистской программы»⁴⁵, написанной палеонтологом Стивеном Гулдом в соавторстве с биологом Ричардом Левонтином. В ней критикуется стремление мно-

⁴² Plantinga A. Op. cit. P. 219.

⁴³ Ibid. P. 221.

⁴⁴ Н. Луман отмечал, что «не все изменения фенотипа живых существ могут быть объяснены как более удачное приспособление» (Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 39). Луман небезосновательно распространял эволюционную модель на общество (вспомним об универсальном эволюционизме современной науки). Из этого следует, что те натуралисты, которые в надежде доказать обоснованность нашего знания обращаются к социологии, сталкиваются с теми же проблемами неадаптивности, с которыми мы имеем дело в эволюционной биологии. «Эволюция системы вовсе не приводит к более эффективной приспособленности (к внешнему миру) одних систем сравнительно с другими» (Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 46).

⁴⁵ См.: Gould S.J., Lewontin R.C. The spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: a Critique of the Adaptationist Program // Proc. Roy. Soc. L., 2005. P. 581–598.

гих ученых видеть чуть ли не в каждой детали строения живых организмов то или иное приспособление к окружающей среде. Подобно вольтеровскому Панглоссу, который полагал, что нос предназначен для ношения очков, такие исследователи считают, что все (или почти все) анатомические, физиологические или поведенческие особенности, раз уж они появились в ходе эволюции, обязательно выполняют какую-либо функцию: бесполезных органов не бывает.

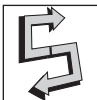
В действительности ход эволюции во многом определяется исторической инерцией и конструктивными ограничениями. Организм, адаптируясь к новым условиям, не начинает с нуля, он вынужден пользоваться багажом, который достался ему от предков. Если ваши предки миллионы лет жили в водной среде, то, чтобы перейти к жизни на суше, вам придется приспособлять для этого структуры, совершенно не предназначенные к сухопутному образу жизни. Сложно ожидать, что в подобной ситуации результат будет оптимальным⁴⁶ – те или иные ограничения неизбежно дадут о себе знать. Гулд и Левонтин в своей статье писали об участках пространства, которые образованы полукруглыми арками собора св. Марка. Эти участки существуют не потому, что они кому-то нужны, нет, просто у здания подобного типа их не может не быть. Подобным образом у каждого организма есть процессы и органы, чье существование определяется его исторически сложившейся конструкцией, а не задачами, поставленными естественным отбором⁴⁷.

Как указывал Гулд в книге, посвященной кембрийской фауне, «множество структур может быть объяснено лишь тенью их прошлого... Дарвин понял, что совершенство не может быть доказательством в пользу теории эволюции, поскольку оптимальное устройство скрывает следы истории. Если перья устроены превосходно, то они могут быть как сотворены всемогущим Богом из ничего, так и возникнуть из предшествующей анатомии в ходе естественного процесса. Дарвин показал, что главным доказательством эволюции должны быть причуды, странности⁴⁸ и несовершенства, свидетельствующие

⁴⁶ Как подчеркивает Плантинга, ссылаясь на философа Стивена Стича, «нет причин полагать, что у естественного отбора всегда есть возможность добиться оптимального устройства» (*Plantinga A. Op. cit. P. 221*).

⁴⁷ Даже если подобные структуры выполняют какие-то функции, они сугубо вторичны: надсводное пространство в соборе св. Марка появилось не ради выполненных на нем росписей. Наоборот, эти росписи были выполнены, чтобы найти хоть какое-нибудь применение пустующему пространству.

⁴⁸ Классическим примером такой странности является «нерациональное» устройство возвратного гортанного нерва – прежде чем подойти к гортани, которую он иннервирует, этот нерв спускается из черепа в грудную клетку, делая тем самым лишнюю петлю. Такая сложная траектория объясняется происхождением наземных позвоночных от предков-рыб. Бессмысленность подобного устройства особенно очевидна в случае длинношеих животных, таких, как динозавры-зауроподы: длина возвратного гортанного нерва у них могла достигать 28 м, что не способствовало скорости передачи сигнала. Некоторые ученые даже называют этот нерв *памятником неэффективности* (См.: *Wedel M.J. A Monument of Inefficiency: The Presumed Course of the Recurrent Laryngeal Nerve in Sauropod Dinosaurs // Acta Palaeontologica Polonica. 2012. Vol. 57. P. 251–256*).

о путях истории»⁴⁹. Например, уже первый палеонтолог-дарвинист Владимир Ковалевский писал об *инадаптивных* примерах редукции у парнокопытных, когда «кисть, теряя свои боковые пальцы, *не приобретает лучшего приспособления* к изменившимся механическим условиям передвижения и опоры тела, кроме утолщения оставшихся пальцев... часть ее занята *бесполезным* остатком (рудиментом) пятого пальца... При этом способе унаследованные признаки сильнее изменений»⁵⁰ (курсив мой. – А.Х.).

Особенно важно помнить о таком неадаптивном и в общем-то случайном историческом багаже, если говорить об эволюции познавательных способностей. Плантинга, развивая свою аргументацию, цитирует письмо Ч. Дарвина к Уильяму Грэхему (1881): «У меня всегда возникают страшные сомнения по поводу убеждений нашего разума, который произошел от разума низших животных, – имеют ли они какую-либо ценность и полностью ли они заслуживают доверия. Будет ли кто-нибудь доверять убеждениям в сознании обезьяны, если там вообще найдутся какие-либо убеждения?»⁵¹ Если наши познавательные способности являются продуктом длительного исторического развития, они неизбежно нагружены неадаптивным и случайным балластом, что ставит под сомнение надежность их работы.

Поппер отдавал себе отчет в существовании этой проблемы, но панглоссианский оптимизм не позволил ему осознать всю ее глубину. «Возможно, существуют *некоторые* формы человеческого знания, не являющиеся... формами приспособления или попытками приспособиться. Однако, грубо говоря, *почти все* формы знания некоторого организма... служат ему для приспособления к выполнению задач, актуальных для него в данный момент времени, или же задач, которые могут встать перед ним в будущем»⁵² (курсив мой. – А.Х.). Но именно эти «некоторые» формы, не затрагиваемые напрямую действием естественного отбора, имеют, как правило, гораздо большее значение для познания мира, чем представления, сопряженные с адаптивным поведением.

Допустим, естественный отбор гарантирует истинность⁵³ ваших представлений о том, как выглядят самки и самцы тигров, поскольку в случае ошибки вы не оставите потомства или будете съедены. Но что тогда гарантирует обоснованность ваших научных или математи-

⁴⁹ Gould S.J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History. N.Y. ; L., 1989. P. 300.

⁵⁰ Цит. по: Борисяк А.А. В.О. Ковалевский, его жизнь и научные труды. Л., 1928. С. 101–102.

⁵¹ Plantinga A. Op. cit. P. 219.

⁵² Popper K. К эволюционной теории познания. С. 200.

⁵³ Впрочем, Плантинга доказывает, что естественный отбор не гарантирует обоснованность даже элементарных представлений, непосредственно связанных с выживанием (см. п. 1 на с. 171).

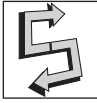
ческих представлений? Познавательные способности, лежащие в их основе, могли эволюционировать *как угодно*, поскольку ничто не мешало особям, не способным к адекватному познанию истин космологии или теории множеств, успешно выживать и размножаться.

Конечно, можно сказать, что процессы познания, не имеющие *прямого* отношения к выживанию и размножению, тем не менее являются *побочными продуктами* развития адаптивных навыков. Индуктивная логика, необходимая для научного познания, выросла из умения наших предков делать выводы о повадках всех тигров после столкновения с одним из них. Дедуктивная логика, лежащая в основе математического мышления, развилась из представления о том, что одно и то же животное не может быть одновременно и тигром, и антилопой. Изменения в нервной системе, вызванные давлением естественного отбора, в силу физиологических причин повлекли за собой более глубокие перестройки, не связанные напрямую с приспособляемостью. Но где гарантия, что познавательные способности, возникшие таким окольным путем, могут производить достоверное знание? Значит ли, что стружки, необходимый продукт столярного производства, столь же функциональны, как и столы со стульями?

Далее вспомним о самом материале, который подвергался эволюционным перестройкам. Кто знает, в каком направлении трансформировалась когнитивная архитектура, не имеющая прямого адаптивного смысла, когда наши предки перестали быть мелкими ночными зверьками и перешли к жизни на деревьях, а потом вновь спустились с них, приспособившись к обитанию на открытых пространствах? Какие конструктивные ограничения по части познания существовали в связи с такой эволюционной историей? Быть может, если бы наши предки вели иной образ жизни, то и суждения, получаемые при помощи наших неадаптивных познавательных способностей, были бы иными? Конечно, если бы экологическую нишу первых гоминид заняли потомки каких-нибудь грызунов, они тоже научились бы отличать тигра от антилопы. Но разве были бы выводы их науки (предположим, что она у них возникла) тождественны результатам научного познания *Homo sapiens*?

6. Натурализм и телеология

Итак, надежность наших познавательных процессов нельзя обосновать ссылками на их генезис. Напротив, именно то, что наши познавательные способности являются продуктом длительной эволюции, заставляет сомневаться в их надежности. Это означает крах не только эволюционной эпистемологии, но и всего современного натурализма, который пытается искать обоснование познания во внешнем контек-

сте. Из этой ситуации существует всего три выхода: (1) вообще отказаться от исследования оснований нашего знания и растворить эпистемологию в эмпирической науке; (2) вернуться к интерналистской парадигме и поиску самоочевидных первооснов познания, относительно которых нельзя ошибиться; (3) пренебречь научными данными и пересмотреть внешний контекст, чтобы «спасти» натурализм. Поскольку первый рецепт особых комментариев не требует, а интерналистский подход был рассмотрен выше, то вкратце обсудим третий вариант.

Показав, что естественный отбор не гарантирует надежность наших познавательных способностей, Плантинга, стремясь остаться на натуралистических позициях, предложил с *теистических* позиций пересмотреть эволюционистскую картину мира, созданную современной наукой. Если в формировании человека принимало участие благое и всемогущее Существо, то у нас нет повода сомневаться в том, что мы способны к познанию истины. «Бог хотел, чтобы Его создания могли оценить красоту мира, силу искусства и поэзии, поэтому наши познавательные системы наделены соответствующей функцией и эта функция реализуется должным образом вне зависимости от того, дает ли это какое-либо преимущество, необходимое для выживания»⁵⁴.

Конечно, указывает Плантинга, мы можем отвергнуть тезис о существовании Бога – но тогда нам придется распрощаться и с надеждой обосновать наши знания о мире. По сути философ предлагает вернуться к *телеологическому* мировоззрению, в рамках которого функции (цели) вещей предшествуют их появлению. «Природа двояка: с одной стороны, как материя, с другой – как форма, она же цель, а ради цели существует все остальное, она и будет причиной “ради чего”... В растениях полезные им части возникают ввиду определенной цели, например листья ради защиты плода»⁵⁵. Про наши познавательные способности также можно сказать, что они существуют ради познания истины, и тогда вопрос об обоснованности человеческого знания отпадает⁵⁶. Правда, вопреки Плантинге, телеология не обязательно предполагает личного Бога-Творца – скажем, Аристотель и другие античные авторы, рассуждавшие в телеологическом ключе, обходились без этого представления.

Примирить телеологический подход с современной наукой не представляется возможным. Идея «управляемой эволюции», кото-

⁵⁴ *Plantinga A.* Op. cit. P. 209.

⁵⁵ *Аристотель.* Физика. М., 2007. С. 45.

⁵⁶ «Животное же необходимо имеет ощущение, если верно, что природа ничего не делает напрасно. Ведь все в природе существует ради чего-то...» (*Аристотель.* О душе // Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 445). Чтобы животное не существовало напрасно, у него должны быть ощущения, чтобы ощущения не существовали напрасно, они должны быть достоверными – «ощущения всегда истинны» (Там же. С. 431).

рую Плантинга предлагает в качестве компромисса, не снимает противоречий. Если Бог не сотворил человека сразу, а лишь управлял эволюционными процессами, которые привели к его возникновению, то это не отменяет проблемы конструктивных ограничений. Бог, вынужденный творить человека не из куска глины, а из продуктов эволюции тероморфной рептилии, при всем желании не сможет оптимизировать⁵⁷ все человеческие органы и навыки, включая наши познавательные способности. Лодку нельзя переделать в самолет без некоторых потерь в функциональности. Если структура предшествует функции⁵⁸, то между ними всегда будет некий зазор, в который, если мы говорим о работе познавательных способностей, ускользает обоснованность нашего знания.

В конечном счете если мир является результатом стихийных исторических процессов, не подчиненных никакой цели, то, желая отыскать в нем точку опоры, мы можем уповать лишь на самих себя, обращаясь к самоочевидным (self-presenting, пользуясь выражением Родерика Чизолма) данностям сознания. Кабинетная эпистемология и историческое, эволюционистское мировоззрение – это продукты одной эпохи – Нового времени. В рамках статичного аристотелевского универсума, где все подогнано и приспособлено друг к другу, бессмысленно спрашивать о том, могут ли наши органы чувств добывать адекватную информацию об окружающем мире, поскольку они как раз и существуют *для того*, чтобы делать это. Плантинга, желая спасти натурализм, советует нам обратиться к подобным взглядам. Но не проще ли признать, что сама натурализованная эпистемология ошиблась эпохой? В телеологическом контексте она, пожалуй, уместна. Но в свете эволюционистского мировоззрения мы волей-неволей должны быть интерналистами, чтобы вообще оставаться философами.

⁵⁷ Сторонники телеологии настаивают именно на *оптимальности* устройства *всех* структур организма. Так, обсуждая анатомию кисти, К. Гален пишет: «В строении органов»... ни в одном случае нет ни в чем ни недостатка, ни избытка... Безумец тот, кто не понимает функций, приданных рукам, или тот, кто думает, что иное строение могло быть для них полезней... природа всякую вещь создала искусно» (Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971. С. 148). Разумеется, в рамках этого подхода сомнений в надежности работы наших познавательных способностей (мышления, памяти, органов чувств) быть не может: как и все остальное, они устроены наилучшим образом.

⁵⁸ Родоначальник палеонтологии Жорж Кювье, который полагал, что функция предшествует структуре, был поэтому активным противником эволюционизма. «Всякое организованное существо образует целое, единую замкнутую систему, части которой соответствуют друг другу и содействуют, путем взаимного влияния, *одной конечной цели*» (Кювье Ж. О переворотах на поверхности земного шара. М., 1937. С. 130. Курсив мой. – А.Х.). Очевидно, что такая тотальная целесообразность организма не представляема, если свой план строения он унаследовал от предков, живших в иных условиях. Кстати, Кювье непосредственно вдохновлялся телеологической философией Аристотеля и часто его цитировал.